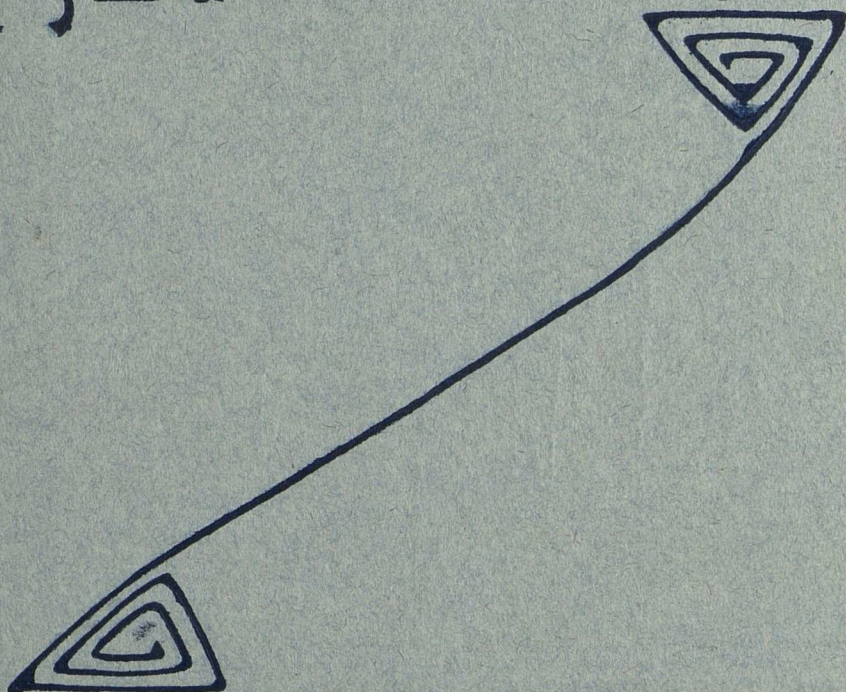

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 19.

15. Октября
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общезвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляеть собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправления кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ крикнетъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоно въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинимъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вязлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработана эта препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ завѣдующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

И холодно, и голодно
и до дому далеко!

№ 19.

15 Октября
1907 г.

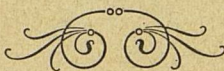

Отъ Керчи до Батума.

... Это роскошь. Здѣсь природа
Чудно видами дарить.
Вотъ у горнаго прохода,
Сакля*) бѣдная стоитъ.
Какъ жалка она въ сравненьи
Съ дикой прелестію горъ...
Моря вѣчное движеніе...
Все даритъ здѣсь наслажденіе,
И блаженствуетъ нашъ взоръ.
Сакля скрылась. Только горы,
Дикій лѣсъ на тѣхъ горахъ,
И природные узоры
На скалистыхъ берегахъ.
Моря шумъ и рокотанье,
Синій цвѣтъ безбрежныхъ водъ;
Свѣтлый лѣтній небосводъ...
Все здѣсь, все—очарованье!..

Петровъ-Леонидовъ.

*) Изба, хата.

Маленькіе герои.

Разсказы Кордепіа

(пер. съ итальянскаго А. фонъ-Громанъ).

II.

Горный почталіонъ.

Въ гористой мѣстности стояла одинокая хижина, окруженная съ одной стороны лугами, лѣтомъ зелеными, а зимою покрытыми снѣгомъ, съ другой — крутыми обрывами горъ, поросшими темнымъ соснякомъ. Изрѣдка въ этомъ уединеніи можно было набрести на шалашъ или на навѣсъ. Въ дымной, почти пустой хижинѣ прикурнула около печки худая, дрожащая отъ холода, женщина. Въ избу вошелъ мальчикъ, неся охапку дровъ.

— Вотъ, мама, я тебѣ принесъ дровъ, чтобы согрѣться.

— Если бы только этого нужно было, сказала женщина, но вѣдь надо и поѣсть.

— У насъ осталась мука, — отвѣтилъ мальчикъ, имя котораго было Антоніо. Потомъ Франческо передъ отъѣздомъ отдалъ мнѣ свои деньги.

Услышавъ имя своего старшаго сына, больная, глубоко вздохнувъ, сказала:

— Если бы мнѣ его оставили, я бы не боялась умереть съ голода, или если бы я только была здорова, я могла бы зарабатывать деньги. А у меня отняли сына, когда онъ мнѣ болѣе всего нуженъ.

— Но вѣдь я же съ тобою, сказалъ Антоніо.

— Что ты можешь помочь мнѣ; ты еще ребенокъ.

— Мнѣ двѣнадцать лѣтъ и я силенъ. Я буду искать работы; я это обѣщалъ Франческо.

— Кстати, разскажи мнѣ, что онъ тебѣ сказалъ передъ отъѣздомъ.

— Ничего! Чтобы я искалъ работы. Онъ даже хотѣлъ, чтобы я спустился въ деревню, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли тамъ заработка.

Антоніо вышелъ изъ хижины и спускаясь къ деревнѣ съ крутой и скользкой, отъ только-что выпавшаго снѣга, горы, сталъ думать о томъ, что ему говорилъ братъ, уходя въ солдаты.

До этого дня этотъ мальчикъ жилъ беззаботно, ходилъ въ школу, а по праздникамъ игралъ съ товарищами. Иногда онъ въ чемъ-нибудь помогалъ матери или брату, а въ назначенные часы онъ всегда имѣлъ свой обѣдъ или ужинъ, конечно очень скромный, но тѣмъ не менѣе казавшійся ему превосходнымъ. И онъ росъ спокоенъ и счастливъ, какъ птичка.

Съ сегодняшняго же утра, послѣ разговора со старшимъ братомъ, онъ казался преобразованнымъ: его мысли стали серьезны и онъ какъ бы сразу выросъ, сталъ мужчиной, принявшимъ на себя отвѣтственность за семью.

— Слушай, Антоніо,—сказалъ ему утромъ Франческо,—если бы меня не взяли въ солдаты, я бы тебѣ ничего не сказалъ и не смутилъ бы твою беззаботную юность заботой о насущномъ хлѣбѣ, но такъ какъ я уѣзжаю, я долженъ тебѣ сказать все, что такъ давно сжимаетъ мнѣ сердце. Ты теперь, несмотря на свои юные годы, долженъ быть очень разсудительнымъ, потому что ты остаешься дома главой семейства.

— А мама?—спросилъ Антоніо.

— Бѣдная мама! Развѣ ты не знаешь, что она очень больна? Докторъ сказалъ, что у нея болѣзнь сердца и что ей вредно волноваться и отдаваться заботамъ; ей нужно хорошо поѣсть и не утомлять себя работой. Вообще, слѣдовало бы быть богатыми или же что бы я могъ зарабатывать. Но я ухожу на военную службу и потому твоя обязанность заступить мое мѣсто. Я тебѣ поручаю маму и прошу тебя сдѣлать для нея все, что тебѣ будетъ возможно. Въ крайнемъ случаѣ проси милостыню, но старайся, чтобы у нея всегда былъ кусокъ хлѣба. Будь увѣренъ, что и я приложу всѣ старанія, чтобы прислать тебѣ сколько-нибудь денегъ. Но что можетъ сдѣлать бѣдный солдатъ?

Антоніо думалъ объ этихъ словахъ, сказанныхъ братомъ со слезами на глазахъ и какъ тотъ его крѣпко прижалъ къ груди и поцѣловалъ, когда онъ ему обѣщалъ зарабатывать хлѣбъ для себя и для больной матери.

Но проходя теперь по безлюдной дорогѣ, дрожащій отъ холода, онъ понималъ, что исполнить это будетъ труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ. Если бы было лѣто, думалъ онъ, я могъ бы наняться пастухомъ, но теперь зима... Увидимъ, можетъ быть тамъ внизу, въ деревнѣ найдется какая-нибудь работа для меня.

Продолжая путь, онъ сталъ мечтать о счастливомъ времени, когда на свѣтѣ жили феи; тогда было достаточно быть только добрымъ и послушнымъ, чтобы какая-нибудь добрая фея явилась на помощь. О, онъ былъ бы очень хорошимъ мальчикомъ, чтобы заслужить покровительство такой доброй феи. И вообразивъ, что онъ живетъ въ томъ золотомъ вѣкѣ, онъ сталъ оглядываться кругомъ, не нужно ли было спасти гдѣ-нибудь звѣрька или оказать кому-нибудь помощь. Но кругомъ не было ни живой души и онъ только слышалъ ревъ вѣтра, врывающагося въ ущелья горъ и сердито качающаго макушки темныхъ сосенъ.

Когда вдали показались первые дома деревни, въ его сердцѣ зашевелилась надежда; въ этихъ домахъ живутъ вѣдь люди и можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ сжалится надъ нимъ. Проходя по пустымъ улицамъ онъ увидѣлъ, что отворилась дверь одной избы,—на улицу вышла женщина съ кастрюлей и на порогѣ принялась ее чистить. Собравшись съ духомъ, онъ подошелъ къ ней и спросилъ, не дастъ-ли она ему работы.

— Я все могу дѣлать, чистить посуду, мыть полы, смотрѣть за скотомъ и исполнять другія порученія.

— Ты съ ума сошелъ; въ такія трудныя времена намъ самимъ дѣлать нечего.

Мальчикъ глубоко вздохнулъ и отошелъ отъ нея.

Близъ церкви ему навстрѣчу шелъ довольно хорошо одѣтый мужчина. Вспомнивъ больную мать и слова старшаго брата, онъ подошелъ къ незнакомцу и протянулъ руку за милостыней.

— Тебѣ не стыдно въ твои годы протягивать руку,—прикрикнулъ на него человѣкъ. Пошелъ работать, маленькій бродяга!

Мальчикъ хотѣлъ ему сказать, что онъ радъ бы найти работу, но отъ стыда и обиды у него сжало горло и онъ убѣжалъ, не сказавши ничего.

Отъ этихъ неудачъ онъ упалъ духомъ и сталъ уже думать не лучше-ли на сегодня вернуться домой, когда услышалъ шумъ приближающагося дилижанса; въ надеждѣ, что люди приѣзжающіе издалека сердечнѣе мѣстныхъ жителей, онъ остановился, когда дилижансъ подъѣхалъ къ „Почтовой Гостинницѣ“; онъ подбѣжалъ, чтобы помочь пассажирамъ нести чемоданы и вынуть изъ кареты багажъ, но хозяинъ гостинницы, вышедшій на крыльцо встрѣтить путешественниковъ,

толкнулъ его со словами: „убирайся съ дороги, намъ не нужна твоя помощь!“

Бѣдный мальчикъ не устоялъ передъ этимъ послѣднимъ разочарованіемъ и тутъ же горько зарыдалъ. Дочь хозяина гостиницы, тоже вышедшая навстрѣчу гостямъ, пожалѣла мальчика и подойдя къ нему спросила о чемъ онъ плачетъ.

— Я хотѣлъ заработать что нибудь, помогая нести багажъ; мнѣ такъ необходимо найти работу; моя мать больна, а брата взяли въ солдаты, но я такъ несчастливъ, что долженъ вернуться домой съ пустыми руками.

Дѣвушка была растрогана словами мальчика, казавшимися ей искренними и она рѣшила помочь ему.

— Иди сюда,—сказала она,—я дамъ тебѣ немного супа, чтобы ты могъ согрѣться.

— Для меня не нужно; я для своей мамы хочу заработать что-нибудь!

— Бѣдный мальчикъ,—подумала дѣвушка и, снова обратившись къ нему, спросила:

— Могу я тебѣ довѣрить? Будетъ-ли у тебя достаточно силы, чтобы снести узелъ съ горы на хуторъ „Colombara“?

— У меня да не быть силы! Вы увидите. Дайте мнѣ узелъ.

— Но сможешь-ли ты донести его? Не уронишь-ли его по дороге?

— Нѣтъ, будьте покойны; клянусь вамъ, что не уроню его! увѣрялъ онъ, прижимая руки къ груди.

— Смотри, узелъ тяжелъ!

— Я силенъ.

— Вотъ,—сказала дѣвушка, вынося изъ дома довольно большой узелъ,—ты видишь, узелъ больше тебя.

— Не бойтесь-же, сказалъ Антоніо.

Онъ поднялъ съ земли палку, попросилъ веревку и, крѣпко привязавъ узелъ къ концу палки, взвалилъ его къ себѣ на плечи.

— Онъ мнѣ кажется перышкомъ,—смѣялся онъ; завтра я вернусь посмотрѣть, нѣтъ-ли у васъ другихъ порученій.

— Отнеси узелъ только прямо въ хуторъ „Colombara“, тебѣ тамъ за твои труды дадутъ 25 сантимовъ; счастливаго пути и не поскользись.

— До завтра, весело крикнулъ Антоніо подпрыгивая по грязной

улицѣ, какъ будто онъ шелъ на праздникъ. Узелъ былъ довольно тяжелый, подъемъ на гору утомительный, но мальчикъ не чувствовалъ ничего отъ счастья, что могъ сдѣлать что-нибудь для своей мамы.

Антоніо казалось, что онъ нашелъ добрую фею и что хозяйская дочь и въ будущемъ останется его покровительницей. У этой дѣвушки было такое доброе лицо, что онъ былъ увѣренъ, что она его не оставитъ. Раздумывая объ этомъ онъ все выше поднимался, не чувствуя ни холода, ни тяжести. До хутора было часъ ходьбы и когда подъемъ сталъ очень крутъ, ему казалось, что и узелъ сталъ тяжелѣе, но у него было много храбрости и онъ все шелъ впередъ, пока не дошелъ до назначенія весъ.

Его встрѣтила молодая дѣвушка и спросила, нѣтъ ли для нея письма.

— Мнѣ только поручили передать вамъ эту посылку, но завтра я опять спущусь въ деревню и спрошу, нѣтъ-ли для васъ писемъ.

— Помни, сказала дѣвушка,—за каждое письмо, которое ты мнѣ принесешь, я дамъ тебѣ сольдо, а пока возьми это — и она дала ему пять сольди за посылку и вдобавокъ стаканъ вина.

Антоніо припѣваячи побѣждалъ подъ гору; у него явился планъ, посредствомъ котораго онъ надѣялся содержать мать свою и онъ уже мнилъ себя богатымъ.

По дорогѣ онъ купилъ бутылку молока и немного хлѣба и радостный вернулся къ матери, которая уже начинала беспокоиться за его долгое отсутствіе.

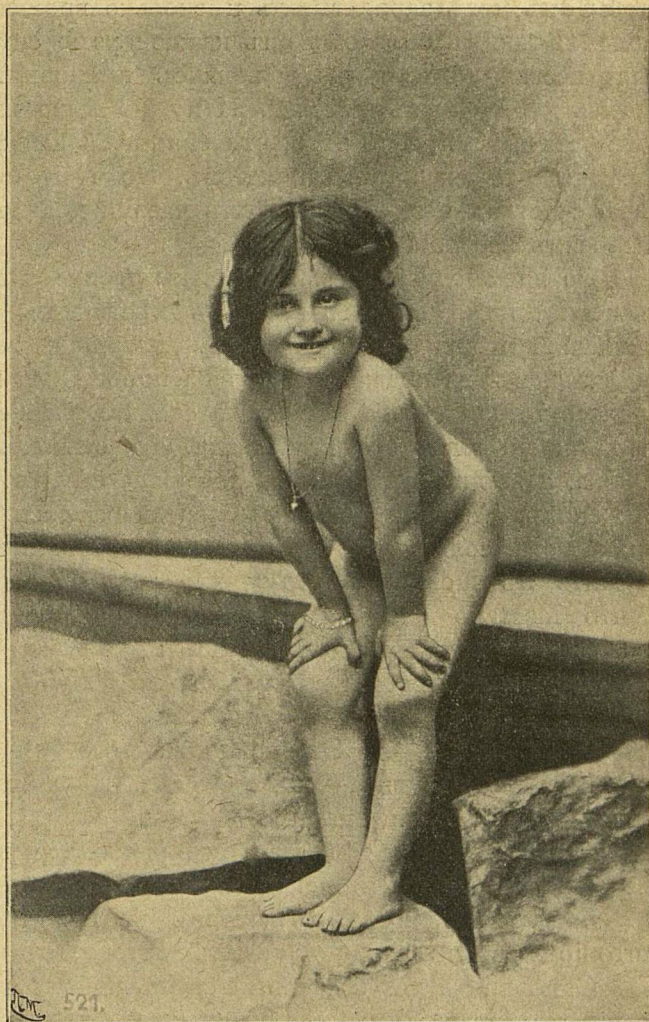
— Если ты хочешь, чтобы я зарабатывалъ деньги на наше содержаніе, ты должна же меня отпускать, тѣмъ болѣе, что я уже не ребенокъ и нечего бояться, что я пропаду.

Мать была очень довольна сыномъ, но часто думала о своемъ старшемъ, который былъ далеко и каждый разъ, когда Антоніо возвращался изъ деревни, она съ беспокойствомъ спрашивала, не получилъ-ли онъ письма отъ Франческо.

Въ нѣсколько дней Антоніо сталъ горнымъ почталіономъ. Онъ такъ горячо просилъ Розу, дочь хозяина гостиницы (которую онъ упорствовалъ считать своей доброй феей) довѣрить ему всѣ посылки и письма въ окрестныя горы, что она, несмотря на его молодость, согласилась на это, но напоминала ему каждый разъ:

— Смотри, чтобы не было тяжело или слишкомъ большая отвѣтственность для такого ребенка, какъ ты. Боже упаси тебя потерять

письма, тогда я тебѣ ничего больше не довѣрю и ты еще заплатишь штрафъ.

Но Антоніо ее успокаивалъ и умолялъ дать ему всѣ порученія, чтобы онъ могъ зарабатывать нѣсколько грошей на хлѣбъ для своей мамы. И такимъ образомъ онъ каждое утро спускался въ деревню и былъ всегда радъ, когда дилижансъ привозилъ много посылокъ и писемъ для горныхъ жителей. И нужно было видѣть, какъ онъ себя нагружалъ! Иногда до того, что его маленькая фигура исчезала подъ множествомъ различныхъ пакетовъ. Но чѣмъ болѣе онъ ихъ имѣлъ, тѣмъ счастливѣе онъ былъ и онъ часами ходилъ по горамъ, пока не разносилъ все по назначенію.

Со временемъ жители окрестныхъ хуторовъ привыкли видѣть въ немъ друга, приносящаго имъ вѣсть отъ далекихъ родныхъ и всегда встрѣчали его съ улыбкой. Дѣвушка, жившая на мызѣ „Colombara“, всегда поджидала его на порогѣ, въ надеждѣ, что онъ ей принесетъ письмо отъ ея жениха солдата. Она всегда звала мальчика въ комнату согрѣться и угощала его стаканомъ вина или чашкой молока, а прочитавъ письмо, довѣряла ему, что ей писалъ Энрико, ея женихъ. Антоніо въ свою очередь рассказывалъ ей о братѣ, который тоже солдатъ и что онъ по собственному желанію пошелъ служить въ Messano, потому что тамъ можно больше заработать и что Messano очень далеко и что тамъ умираютъ отъ жары; что онъ рѣдко сталъ получать письма и для того, чтобы мама не беспокоилась, онъ ей всегда говоритъ, что получилъ извѣстіе отъ брата, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ ничего не получалъ.

— Скажи ей, что Энрико пишетъ, что ея сынъ здоровъ,—посоветовала ему дѣвушка,—оба они солдаты и будучи земляками очень естественно, что они знакомы.

Антоніо такъ и дѣлалъ и всегда рассказывалъ мамѣ, что Франческо здоровъ,—ему это сказали на хуторѣ „Colombara“.

Бывали дни, когда въ деревнѣ не получалось писемъ и тогда Антоніо возвращался домой унылый, оттого, что потерялъ цѣлый день.

Одно время шелъ сильный снѣгъ и было трудно и даже опасно ходить по горамъ. Роза его уговаривала подождать, пока погода будетъ лучше, но онъ не слушалъ ее и когда было что снести въ горы, онъ все-таки ходилъ, рискуя вернуться домой окоченѣлый и убитый усталостью.

Отъ тѣхъ, которые получали письма отъ своихъ родственниковъ

издалека, онъ узналъ, что въ Африкѣ было сраженіе и были убитые и раненые. Онъ уже давно ждалъ извѣстія отъ брата и мама волновалась, что письма запаздываютъ и для того, чтобы успокоить ее, онъ ее увѣрялъ, что Франческо просилъ Энрико передать, что онъ живъ и здоровъ и шлетъ имъ поклонъ.

Однако эта жизнь становилась мальчику въ тягость, а хуже всего его угнетала необходимость быть замкнутымъ въ себя. Къ этому прибавилось еще то обстоятельство, что болѣзнь матери ухудшилась и онъ каждый разъ уходилъ въ деревню съ опасеніемъ найти ее по возвращеніи опасно больной.

Однажды, найдя на почтѣ письмо отъ старосты, приглашавшаго его мать явиться къ нему въ канцелярію по важному дѣлу, бѣдный мальчикъ имѣлъ предчувствіе чего-то недобраго. Онъ ничего не сказалъ, но пошелъ вмѣсто матери узнать причину вызова.

Когда старшина объявилъ ему, что онъ его вызвалъ чтобы извѣстить о смерти брата, павшаго при Dagali въ сраженіи съ Ras Alula, онъ не хотѣлъ вѣрить и стоялъ неподвижно, дожидаясь, чтобы старшина сказалъ, что онъ только пошутилъ, но тотъ подтвердилъ потрясающую вѣсть.

— Утѣшься, — сказалъ онъ, — твой братъ палъ героемъ и ему вѣроятно дадутъ медаль.

Но что Антоніо было до медали и до того, что его братъ палъ героемъ, если онъ больше никогда не вернется и онъ его никогда болѣе не увидитъ! И какъ онъ можетъ сообщить матери эту ужасную вѣсть! Нѣтъ, это было невозможно. Лучше не возвращаться домой, чѣмъ съ такою вѣстью!

И онъ дѣйствительно ничего не сказалъ, но его тяготило продолжать обманывать мать. Онъ пошелъ на хуторъ „Colombaro“ посоветоваться со своимъ хорошимъ другомъ, молодой дѣвушкой; та тоже соглашалась съ нимъ, что не нужно говорить мамѣ; зачѣмъ было огорчать ее, когда ей оставалось недолго жить.

Дѣвушка сочувствовала бѣдному Антоніо, но въ этотъ день она была такъ счастлива, потому что онъ ей принесъ письмо, въ которомъ Энрико ей писалъ, что скоро пріѣдетъ въ отпускъ. Она подарила своему маленькому другу разныхъ съѣстныхъ припасовъ: фруктъ, муки, яицъ.

— Возьми, — сказала она, — снеси своей мамѣ для поддержанія ея силъ.

Но Антоніо думалъ только о своемъ убитомъ братѣ и о томъ, что онъ долженъ хранить эту тайну въ своей груди. Вернувшись домой, онъ хотѣлъ казаться довольнымъ, но у него на глаза навертывались слезы.

— Почему на тебѣ лица нѣтъ? спросила мать.

— Я усталъ.

— О Франческо ты ничего не узналъ?

— Онъ здоровъ, сказали мнѣ на хуторѣ.

— Все-таки, онъ бы долженъ написать; я беспокоюсь о немъ,— сказала бѣдная женщина.

Весь этотъ день Антоніо не сказалъ ни слова и съ этого времени ему было тягостно оставаться дома изъ боязни, что мать заговоритъ о братѣ. Поэтому онъ сталъ чаще уходить въ горы, а когда бывалъ дома, онъ все молчалъ; онъ сталъ замкнуть и нѣмъ, какъ могила. Мать тоже была въ дурномъ расположеніи духа, чаще жаловалась на боли, ворчала зачѣмъ онъ ей больше ничего не рассказываетъ и что Франческо пересталъ писать. Бѣдный мальчикъ продолжалъ вести свою трудную жизнь, вѣчно бродя по горамъ, нагруженный посылками и письмами, принося то радость, то печаль, въ хижины горцевъ.

Однажды, вернувшись съ этихъ экскурсій, онъ нашелъ мать въ припадкѣ; она металась въ страшныхъ судорогахъ. Въ этотъ день она выходила изъ дому, узнала, что ея сынъ убитъ и вернулась къ себѣ въ такомъ состояніи. Антоніо побѣждалъ за докторомъ; тотъ пытался ее успокоить, а когда она пришла въ себя, она принялась ругать и упрекать мальчика, что онъ ей ничего не сказалъ и назвала его безсердечнымъ, что онъ могъ скрыть отъ нея смерть ея любимого сына.

Антоніо смутился и не зналъ, что отвѣтить. А его жизнь становилась еще печальнѣе и несноснѣе, а его работа неблагодарнѣе. Ему такъ страстно хотѣлось уйти, убѣжать куда нибудь, чтобы не слышать упрековъ, которыхъ онъ не заслуживалъ, но онъ подумалъ, что безъ него мать умерла бы съ голода и онъ остался.

Немногія дѣти имѣли бы терпѣніе переносить упреки и гнѣвъ этой женщины, лишившейся отъ горя разсудка, но Антоніо помнилъ порученіе брата и продолжалъ работать для матери, заботиться о ней, когда она была больна и терпѣливо переносить ея припадки гнѣва.

Когда же онъ ее однажды нашелъ мертвой въ постели и она

его больше не могла бранить, у него сжалось сердце и онъ зарыдалъ, чувствуя себя теперь одинокимъ въ свѣтѣ.

Антоніо продолжалъ бродить по горамъ, всегда печальный, молчаливый. Но у него въ головѣ крѣпко засѣла мысль: отправиться въ Африку солдатомъ и убить Ras Alula, чтобы отомстить за брата.

Караванъ.

Жилище Киргизъ.

Все замерло, точно опѣпенѣло въ истомѣ. Нигдѣ ни движенія. Разбросанные пучки жесткой и острой травы не колыхнутся. Только по всѣмъ направленіямъ, сливаясь съ общимъ тономъ земли, дѣловито шныряютъ желтыя фаланги *), точно куда-то торопятся. Иногда промелькнетъ стрѣлой маленькая ящерица или-же, шурша о гальку и попадающуюся по дорогѣ траву, пробѣжитъ большой ичкимаръ **).

Воздухъ чистъ, прозраченъ и словно весь пронизанъ золотомъ. Ни дуновенія вѣтра, а воздухъ дрожитъ и искрится золотистыми

*) Фаланга—родъ паука желтоватаго цвѣта, сантиметровъ 10 длиной.

**) Ичкимаръ—родъ большой ящерицы, достигающей 3—4 футовъ длины.

Верблюжій базаръ.

нитями. Больно смотрѣть и глаза жмурятся, а золотыя искры все жгутъ своимъ блескомъ. Сверху солнце жгучее и иссушающее. Это не дискъ, на который больно смотрѣть, а безформенная, блещущая, беспощадно—палящая масса, на которую смертный не смѣетъ поднять глаза.

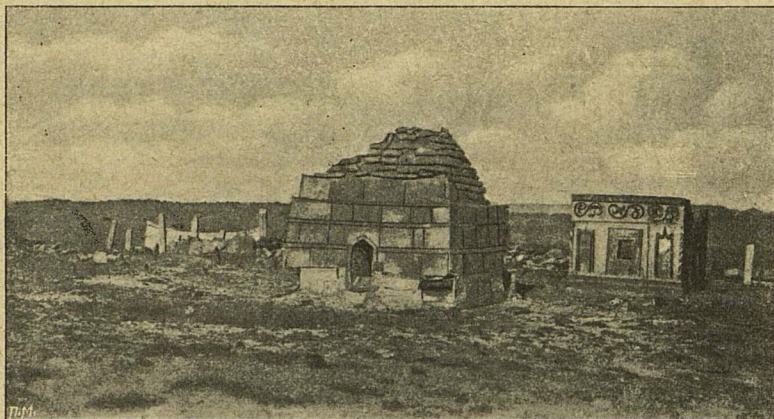
Степь безпредѣльна. Галька и песокъ. Степь пестрая, точно вся въ точкахъ отъ пучковъ сѣро-зеленой травы. Иногда виднѣются обманчивыя зеленоватыя пятна—это трава съ колючками, острыми, и твердыми, какъ стальные иглы.

По едва видной тропинкѣ идетъ караванъ верблюдовъ. Мѣрно колыхаясь и важно выступая, идутъ верблюды. Несмотря на усталость, ихъ безобразныя головы гордо подняты, а выразительные и прекрасные глаза смотрятъ по сторонамъ, точно обозрѣваютъ мѣстность. На переднемъ верблюдѣ сидитъ киргизъ. На немъ остроконечная войлочная шляпа съ вырѣзомъ впереди, изъ-подъ халата видна обнаженная бронзовая грудь, покрытая крупными каплями. Онъ безразлично глядитъ въ даль. Переходъ большой, ему уже надоѣло колыхаться на верблюдѣ, и онъ запѣлъ.

„Степь, ты большая степь, отчего ты безводная? Я хочу пить, а до юрты далеко и мнѣ нельзя пить изъ тыквы, иначе я потомъ останусь въ пути безъ воды. Если бы въ этой степи были родники,

то были бы сады, и я укрылся бы подъ ихъ тѣнью, и поѣлъ бы сладкихъ плодовъ и мнѣ было бы хорошо и прохладно. Вонъ пробѣжалъ ичкимаръ. Почему онъ живетъ не въ садахъ, а въ этой степи? И ему не жарко и онъ быстро бѣгаетъ. Мнѣ жарко, но я приѣду въ юрту, выпью кумыса, съѣмъ жирной, вкусной баранины и лягу спать. Хорошо мнѣ будетъ. Хорошо тоже сидѣть дома въ юртѣ, ѣсть баранину и пить кумысъ, но я веду караванъ и получу за это деньги; я увижу Рахмата и расскажу ему новости, и онъ мнѣ тоже расскажетъ.

Древнія могилы знатныхъ Нугайцевъ.

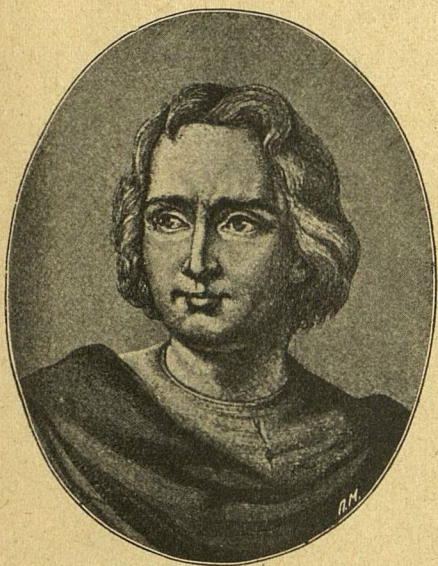
Когда я вернусь домой, я расскажу тоже много новаго. Я увижу могилу славнаго князя, она теперь обвалилась, но когда-то была великолѣпна. Онъ былъ богатырь и очень богатъ: у него были большія стада, и онъ дѣлалъ набѣги и имѣлъ много женъ и рабовъ. Хорошо раньше жилось, а теперь всѣ бѣдные. Киргизамъ негдѣ кочевать, и у нихъ теперь мало овецъ, лошадей и верблюдовъ!“

Такъ поетъ киргизъ обо всемъ, что онъ видитъ, слышитъ, о чемъ думаетъ.

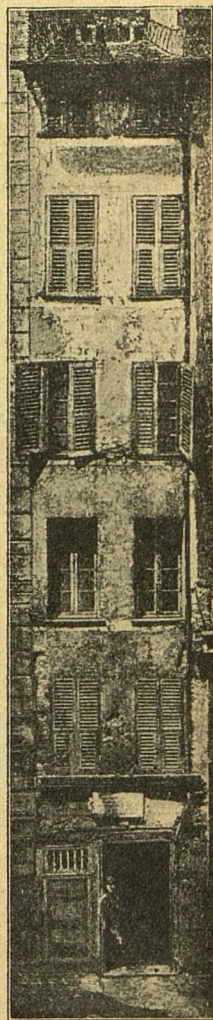
Пѣсня киргиза—его думы вслухъ.

Безконечно и монотонно тянется пѣсня киргиза... Одному изъ верблюдовъ она наскучила. Онъ подошелъ къ пѣвшему киргизу, схватилъ его зубами за шаровары и стащилъ на землю. Озадаченный хозяинъ, опираясь о землю локтями, пронзительно, передъ самой мордой верблюда кричитъ: „и... и... и!“ Верблюдъ спокойно воз-

Христофоръ Колумбъ.

Домъ гдѣ жилъ
Х. Колумбъ.

Колумбъ возвращается въ Европу.

вращается на мѣсто, киргизъ флегматично лѣзетъ на своего верблюда, и караванъ продолжаетъ путь.

На самомъ горизонтѣ показался разливъ громадной рѣки. Вода разлилась на громадное пространство, повсюду виднѣются затопленные лѣсистые острова. И вода и острова подернуты дымкой, будто тамъ раннее утро. Все это точно течетъ, оставаясь на мѣстѣ. Это—миражъ. Киргизъ спокоенъ,—онъ знаетъ цѣну этимъ призрачнымъ видѣніямъ.

Миражъ исчезъ. Черезъ нѣсколько времени на горизонтѣ показался громадный верблюдъ *), за нимъ другой, третій—шелъ встрѣчный караванъ. Киргизъ восторженъ и принялся припоминать новости, чтобы сообщить ихъ встрѣчному.

Караваны встрѣтились. Киргизы обмѣнялись привѣтствіями и наперерывъ стали сообщать другъ другу новости. Караваны разошлись, и новости побѣгутъ по степи далѣе...

Караваны уже далеко другъ отъ друга. Солнце палитъ и создаетъ новые миражи. Киргизъ поетъ, и пѣснь его монотонна и однообразна, какъ степь.

Н. Тюринъ.

Н о с ъ .

Когда одну дѣвочку спросили: зачѣмъ у тебя носъ? она, не задумываясь, отвѣчала: „для того чтобы сморкаться.“

Не смѣйтесь, пожалуйста, вѣдь вы сами еще хорошенько не знаете, для чего у васъ носъ. Эта дѣвочка была болѣе права, чѣмъ вы думаете. Если мы будемъ разсматривать только ту трехугольную шишку, которой природа украсила вашу фізіономію, то она, пожалуй, только для того и создана, чтобъ сморкаться, да еще мерзнуть въ холодную погоду.

Носъ самъ по себѣ это только подъѣздъ къ носовой полости, о которой мы съ вами сегодня побесѣдуемъ.

Видали-ли вы, какъ устраиваются въ домахъ подъѣзды. Входная дверь, а надъ ней навѣсъ въ видѣ крыши. Этотъ навѣсъ дѣлается для того, чтобы дождь и снѣгъ не попадали въ дверь и не портили бы лѣстницу. То же самое природа сдѣлала и у человѣка. Устроивъ

*) Свойство воздуха туркестанскихъ степей увеличиваетъ предметы, находящіеся на линіи горизонта.

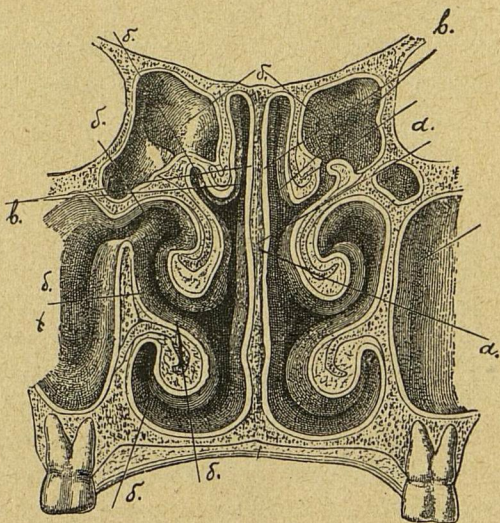

входъ во внутренніе покои, она позаботилась о томъ, чтобы дождь и пыль не попадали бы туда и надъ дверью устроила навѣсъ. Этотъ навѣсъ люди называли носомъ.

Что же скрывается за этимъ входомъ?

Къ сожалѣнію, двери настолько малы, что не только проникнуть туда, но даже и подсмотрѣть намъ едвали удастся. Чтобы узнать, что скрывается тамъ, вамъ придется взять ножикъ и отрѣзать свой носъ...

Но не торопитесь. Ученые уже давно заинтересовались тѣмъ, что интересуется насъ теперь и, учась на трупахъ умершихъ людей, оставили намъ много книгъ, въ которыхъ описали строеніе человѣка. Благодаря имъ, наши собственные носы останутся въ цѣлости и, тѣмъ не менѣе, мы узнаемъ все, что насъ интересуетъ.

Посмотрите на рисунокъ. Онъ изображаетъ часть лица (носовую полость) именно ту часть, которая скрыта за носомъ. Посрединѣ вы видите узенькую перегородку (буква а). Это есть та самая перегородка, которая отдѣляетъ вашу правую ноздрю отъ лѣвой. По обѣ стороны перегородки вы замѣчаете много узорчатыхъ проходовъ, (буква б) какъ бы корридоровъ.

Эти корридоры довольно длинные и извилистые. Воздухъ, который вы вдыхаете носомъ, идетъ именно по этимъ корридорамъ и, проходя

ихъ, попадаетъ въ ваше дыхательное горло, которое начинается въ полости вашего рта.

Вѣроятно вы видали такихъ хитрецовъ, которые, куря папиросу, втягиваютъ въ себя дымъ ртомъ, а выпускаютъ носомъ. Это служить лучшимъ доказательствомъ того, что вашъ ротъ имѣетъ сообщеніе съ носомъ. Вы знаете, конечно, что вдыхать въ себя воздухъ вы можете какъ носомъ, такъ и ртомъ. Не кажется ли вамъ поэтому присутствіе носа совершенно излишнимъ. На первый взглядъ это такъ. Но если вы хорошенько подумаете, то вамъ не трудно будетъ догадаться, что дышать носомъ гораздо полезнѣе нежели ртомъ. А почему полезнѣе, я вамъ подскажу. Когда зимой вы вбѣгаете съ улицы прямо въ комнату, то вносите вмѣстѣ съ собой струю холоднаго воздуха, иногда столь сильную, что обдаете холодомъ всѣхъ находящихся въ комнатѣ. Если же, придя съ улицы, вы не сразу прибѣжите въ комнату, а пройдете цѣлый рядъ корридоровъ, то за это время успѣете настолько отогрѣться, что присутствующіе могутъ даже и не узнать, что вы пришли съ мороза. То же самое происходитъ и при вдыханіи вами воздуха. Если вы будете дышать ртомъ, то струя холоднаго воздуха будетъ падать вамъ прямо въ ротъ и вы можете легко простудить горло. Вдыхая-же воздухъ носомъ, вы заставляете его пройти цѣлый рядъ корридоровъ, прежде чѣмъ подпускаете къ дыхательному горлу. Кромѣ того, стѣнки носовыхъ проходовъ или корридоровъ, какъ мы привыкли называть ихъ, покрыты слоемъ слизи, какъ бы оклеены обоями, (буква в). Эта слизь задерживаетъ на себѣ пыль и различныхъ бактерій, которыя вмѣстѣ съ воздухомъ попадаютъ вамъ въ носъ. Ротъ же вашъ не имѣетъ такихъ приспособленій для очистки воздуха и потому пыль будетъ осаждаться прямо въ вашемъ горлѣ.

Когда же слизь, находящаяся на стѣнкахъ носовыхъ проходовъ, достаточно загрязнится, вы собираете ее въ носовой платокъ и тѣмъ избавляете вашъ носъ отъ излишней пыли и грязи.

Кромѣ проведенія и очистки воздуха, природа возложила на носъ еще одну обязанность, а именно—служить органомъ обонянія. Что такое обоняніе вы, навѣрное, знаете. Это есть чувство слышать запахъ, одно изъ пяти чувствъ человѣка.

Какимъ образомъ исполняетъ носъ эту обязанность?

Верхняя часть стѣнокъ носовой перегородки покрыта, какъ и всѣ стѣнки проходовъ, слизистой оболочкой (буква в).

Въ этой оболочкѣ находится много тончайшихъ нитей (назыв. нервами), которыя располагаются на подобіе вѣтвей дерева и подобно древеснымъ же вѣтвямъ соединяются въ одномъ стволѣ. Стволъ этотъ проходитъ въ вашъ головной мозгъ.

Когда вы втягиваете носомъ воздухъ, то запахъ отъ чего либо проникаетъ въ носовую полость, сталкивается съ обонятельными нервами и по нимъ проходитъ въ вашъ головной мозгъ. Попавъ въ мозгъ, онъ дѣйствуетъ на ваше сознание и вызываетъ въ немъ представление о чемъ либо. Если вы поднесете къ носу флаконъ духовъ и вдохнете въ себя ихъ запахъ, то вы вспомните, что такое же ощущение вы испытывали въ носу, когда нюхали напр. ландыши. Тогда вы говорите, что духи пахнутъ ландышами. Смотря потому, что именно напоминаетъ вамъ запахъ, онъ можетъ казаться вамъ пріятнымъ или непріятнымъ. Одинъ и тотъ же запахъ иногда вызываетъ въ вашемъ носу пріятное ощущение, а иногда отвращеніе.

Напр. запахъ кушанья, когда вы голодны, бываетъ вамъ крайне пріятенъ, и тотъ же запахъ, когда вы сыты, бываетъ вамъ отвратителенъ.

Хорошо различать запахъ вы можете только тогда, когда вашъ носъ вполне здоровъ и чистъ. Если же вы будете простужаться и ловить насморкъ, то вся ваша носовая полость наполнится слизью и эта слизь будетъ мѣшать запаху достигнуть до обонятельныхъ нервовъ. Кромѣ того при простудѣ вы не сможете дышать носомъ, а вдыхая воздухъ ртомъ, какъ вы уже знаете, легко можно застудить горло.

Берегите же ваши носы, а то придется вамъ быть похожими на півку, которая вынуждена свои глаза употреблять въ качествѣ органа обонянія, такъ какъ природа не снабдила ее носомъ.

Н. Якубовскій

Я з ы к ъ.

„Губа не дура, языкъ не лопатка: знаетъ, что сладко.“
(Русская поговорка).

Когда, мѣсяца два тому назадъ, вы разсматривали въ зеркало свои зубы, вы замѣтили во рту еще одинъ посторонній предметъ ярко краснаго цвѣта, съ виду очень похожій на лопатку. Этотъ предметъ носить названіе языка.

Не волнуйтесь.— Вы знали объ этомъ и раньше?—великолѣпно, я въ томъ и не сомнѣваюсь. Но зная, что у васъ во рту есть языкъ, вы относились къ нему безучастно и какъ бы не замѣчали его присутствія. Вы ни разу не задумались надъ тѣмъ, для чего онъ у васъ и, къ стыду своему, до сихъ поръ не знаете, какія обязанности возложила на него природа.

Если вы думаете, что языкъ у васъ только для того, чтобы болтать глупости или дразниться, то вы глубоко заблуждаетесь. Назначеніе его болѣе важно и обязанности его болѣе сложны.

Когда ваша мать или прислуга собирается угостить васъ обѣдомъ, она прежде всего сама попробуетъ его, чтобы опредѣлить вкусенъ онъ или нѣтъ.

То же самое и языкъ. Раньше, чѣмъ поднести вашему желудку то, что вы собираетесь скушать, языкъ долженъ попробовать самъ и посоветоваться съ вами, стоитъ ли кушать то, что вы облюбовали, или нѣтъ. Если языкъ не одобритъ вашего выбора, то вы, часто помимо своей воли, стараетесь скорѣе выплюнуть то, что по недоразумѣнію попало въ вашъ ротъ. Если же языкъ согласится съ вашимъ выборомъ, а порой будетъ имъ даже доволенъ, онъ сообщитъ вамъ объ этомъ и, не медля, передастъ кусочекъ зубамъ.

Зубы, какъ вы помните, измельчаютъ его и отправятъ въ дальнѣйшее путешествіе. Попробовавъ вашъ обѣдъ, языкъ не ложится спать, а идетъ помогать зубамъ. Во все время работы вашихъ челюстей онъ исполняетъ обязанности лопаты: усиленно подгребааетъ выпадающія кусочки пищи и подсовываетъ ихъ вашимъ жерновымъ зубамъ. Когда пища достаточно измельчена, онъ собираетъ ее въ одно мѣсто и отправляетъ въ пищеводъ. Исполнивъ обязанности лопаты, языкъ, не отдыхая, превращается въ метлу. Онъ подметаетъ всю полость вашего рта, заглядываетъ во всѣ переулочки и закоулочки, вычищаетъ оттуда доставшіеся мелкіе кусочки пищи и отправляетъ ихъ вслѣдъ за общей массой.

Окончивъ свою незамѣтную, но трудную и отвѣтственную работу, языкъ вашъ не прочь былъ бы и отдохнуть. Но не тутъ то было: вамъ вздумалось рассказать кому нибудь о своихъ шалостяхъ, подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими впечатлѣніями, а то и просто покричать на всю комнату, и вашъ языкъ долженъ снова приниматься за работу. Изгибаясь то вправо, то влево, то свертываясь, то поднимаясь кверху, онъ долженъ помогать вамъ произносить членораздѣль-

ные звуки, чтобъ окружающіе могли понять то, что вы говорите. Не надо, однако, думать, что вы говорите языкомъ, т. е., что тѣ звуки, которые вы произносите, идутъ изъ языка. Вы говорите при помощи спеціального аппарата (гортани), производящаго голосъ. Языкъ же вмѣстѣ съ зубами, губами и нѣбомъ лишь обрабатываетъ выходящіе изъ гортани чисто голосовые звуки и создаетъ изъ нихъ членораздѣльные.

* *
*

Помимо языка во рту вашемъ находится еще одинъ отростокъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *язычка*. Онъ находится съ самой глубинѣ вашего рта, около дыхательнаго горла. На первый взглядъ трудно опредѣлить его назначеніе. Присутствіе его кажется совершенно излишнимъ и никому не нужнымъ. Однако, прослѣдивъ возможно внимательнѣе за тѣмъ, что дѣлается у насъ во рту во время ѣды, легко убѣдиться въ томъ, что язычекъ для насъ не менѣе необходимъ чѣмъ напр. зубы или языкъ. Сядьте противъ свѣта, откройте возможно шире вашъ ротъ и смотрите въ зеркало. Позади язычка вы увидите отверстіе. Это отверстіе есть ваше дыхательное горло. Оно открыто и вы можете легко дышать (хотите ртомъ, хотите носомъ). Теперь попробуйте, не закрывая рта, глотнуть. Глотнули? ну, что вы замѣтили? ничего? глотните еще разъ. Вотъ такъ. Теперь я скажу вамъ, что вы видѣли. Въ тотъ моментъ когда вы глотнули, вашъ язычекъ приподнялся и закрылъ собой входъ въ дыхательное горло. Для чего онъ это сдѣлалъ? А вотъ для чего: въ полости вашего рта находятся два отверстія: пищеводъ и дыхательное горло. Пища, которую вы разжевали и собираетесь проглотить должна пойти въ пищеводъ. Но такъ какъ во рту вашемъ нѣтъ городского, который указывалъ бы ей дорогу, то она, чего добраго, могла бы попасть въ дыхательное горло и лишитъ васъ возможности дышать, а слѣдовательно и жить. Защиту дыхательнаго горла отъ подобной непріятности природа и возложила на язычекъ. Въ тотъ моментъ, когда пережеванная пища проскакиваетъ въ пищеводъ, язычекъ плотно прилегаетъ къ входу въ дыхательное горло и не позволяетъ ей проникнуть туда. Когда же вы разговариваете во время ѣды или, что еще хуже, смѣтаетесь, язычку не всегда удается добросовѣстно исполнить свою обязанность, и маленькіе, чуть замѣтные кусочки пищи проникаютъ въ дыхательное горло. Тогда вамъ приходится много и сильно каш-

лять, чтобы какъ нибудь вытолкнуть застрявшій кусочекъ. И ваше счастье, если вамъ удастся отдѣлаться однимъ испугомъ.

Н. Якубовскій.

Цвѣты и травка.

(Сказка).

Мать Миши съ грустью и съ тревогой смотритъ съ балкона, какъ ея больной мальчикъ тихо бродитъ по саду, блѣдненькій и задумчивый. Ему только 12 лѣтъ, а на видъ онъ еще моложе, тоненькій и стройный, какъ дѣвочка. Здѣсь, въ Италіи, среди чудной и пышной южной природы, онъ кажется еще блѣднѣй, еще болѣзненнѣй, чѣмъ въ Россіи, откуда его увезли по совѣту доктора.

— Только одно утѣшеніе, только одна радость осталась въ моей жизни,—думаетъ Мишина мать.—Неужели и эту радость судьба у меня отниметъ? неужели эта беспощадная судьба возьметъ у меня и Мишу, какъ взяла его отца, какъ взяла все, что было хорошаго въ жизни. Да за что же, Господи, такая несправедливость! Ну, хорошо. Пускай у меня все будетъ отнято, пускай я этого заслуживаю... Но его то, его то бѣднаго, нѣжнаго, умнаго мальчика, за что его лишать жизни, которой онъ еще и не видалъ? Какъ гадко, какъ бессмысленно устроенъ міръ.

И по лицу ея катятся слезы. Одна слезинка перегоняетъ другую, за ней бѣжитъ третья... Не осушить платкомъ материнскихъ слезъ! Словно мокрое, дрожащее облако застилаетъ глаза, и сквозь это облако едва вырисовываются дрожащія очертанія пальмъ, цвѣтущихъ розъ, далекихъ горъ и вѣчно живого, вѣчно шумящаго прибоемъ моря...

А Миша медленно, держась за стѣнку, спускается по узкой каменной лѣстницѣ на нижнюю террасу сада, который раскинутъ уступами на склонѣ горы и доходитъ почти до самаго берега моря. Мишѣ хочется пробраться въ ту часть сада, которая густо поросла травой и гдѣ такъ красиво сквозь стволы кривыхъ оливъ и стройныхъ кипарисовъ просвѣчиваетъ солнечная полоса моря. Здѣсь онъ будетъ переходить отъ травки къ травкѣ, отъ куста къ кусту, отъ цвѣтка къ цвѣтку и слушать ихъ разговоры. Раньше Миша думалъ, что деревья и кусты не умѣютъ говорить; но однажды случайно услы-

халь, какъ шептались между собой душистыя лиліи; тогда онъ сталъ внимательно прислушиваться и скоро привыкъ понимать разговоръ цвѣтовъ и листьевъ. Съ тѣхъ поръ онъ полюбилъ одиноко бродить по саду и слушать ихъ веселую болтовню.

Вотъ поднялъ голову изъ травы хорошенькій лютикъ, какихъ и въ Россіи много на лугахъ.

— Не правда ли,—просто и красиво!—говоритъ лютикъ.—Тотъ, кто понимаетъ изящество, тотъ оцѣнитъ мои лепестки. Люди почему то не любятъ желтый цвѣтъ, потому, вѣроятно, что желтыхъ цвѣтовъ слишкомъ много и они неразборчивы въ климатѣ, эти одуванчики, купавки, мы, лютики... Но я поздравляю всякаго, кто можетъ такъ смѣло отражать блестящей поверхностью лепестка солнечный лучъ! Впрочемъ, скромность—мое лучшее качество.

А вотъ еще знакомая травка—овесъ.

— Здравствуй, овесъ!—говоритъ Миша.

Овесъ кланяется.

— Здравствуйте! Откуда вы? Изъ Россіи? Ну, батюшка, ужъ и Россія ваша! Нашему брату тамъ совсѣмъ плохо: и почва истощена, и навозу у мужика нѣтъ. Ну, а здѣсь благодать! Одно солнце чего стоитъ, да и дождикъ благодатный иногда перепадаетъ. Вонъ я здѣсь какой, пожалуйста посмотрѣть! Только, конечно, не цѣнятъ они насъ, итальянцы эти. Хоть въ Россіи и хуже, а какъ то, знаете, роднѣе...

А сколько маргаритокъ! вся площадка ими усыпана. Какой маленький цвѣтокъ! У насъ въ Россіи ихъ салятъ на клумбы, а здѣсь онѣ на волѣ растутъ.

— Да, знаете,—лепечетъ маленькая маргаритка,—съ такимъ поэтическимъ именемъ оставаться въ такой неизвѣстности... Я—маленькая звѣздочка, затерявшаяся въ густой травѣ. Ахъ, ахъ! Кажется солнце заходитъ! Надо скорѣе сложить лепестки, я такъ боюсь простуды...

Одуванчикъ. Ну, этотъ сейчасъ начнетъ на судьбу жаловаться.

— Все это, батенька, вздоръ, скажу я вамъ. Пыль все это и тлѣнъ. Изволите видѣть—былъ я желтымъ, изящнымъ цвѣткомъ,—теперь я сѣденькій шарикъ. А долго ли я жилъ? Какую-нибудь недѣлю, двѣ. Теперь вотъ жду вѣтерка и шабашъ!—разлечусь мелкими пушинками. Благодарствуйте! Зачѣмъ же вы меня задѣли ногой? Вѣдь этакъ можно сбить весь шарикъ! Экій несуразный! А впрочемъ,—все суета суетъ.

Противный колючій чертополохъ попалъ подъ ноги.

— Что-съ? Какъ-съ? не имѣю расположенія бесѣдовать, милости, вѣй государь! Вы еще, милостивый государь, молоды разсуждать-да-съ! Пра-а-шу посторониться во избѣжаніе непріятностей. Имѣю листъ твердый и колючій и оскорбленій, милостивый государь, не потерплю! Не потерплю-съ!

— Фу, сейчасъ лопну!—пыхтитъ передъ Мишей бутонъ розы.— Это прямо невозможно! Вы подумайте только; не меньше сотни лепестковъ, да какихъ! И растутъ они не по днямъ, а по часамъ. Всѣмъ хочется на свѣтъ божій поглядѣть. Я не могу больше сдерживать ихъ нетерпѣнья. Дотяну до ночи, но болѣе не въ силахъ, какъ вамъ угодно. Завтра распушусь!

Мишѣ хочется сорвать розу, она такъ нѣжно пахнетъ. Только слишкомъ ужъ она рисуется и гримасничаетъ; закинетъ головку и важничаетъ:—Этого выгибъ лепестка, кажется, довольно изященъ! Я вообще большая мастерица одѣваться. А духи—вы любите духи? Правда, недурны? Нѣтъ приторности, вульгарности, какъ у другихъ цвѣтовъ. Смотрите на меня сколько угодно, я привыкла. Я знаю, что я красива, меня зовутъ парицей цвѣтовъ. Ахъ, какъ славно свѣтитъ солнце! Нѣтъ, не трогайте руками! Я ненавижу этого! Не трогайте, говорю я вамъ! Вы дерзкій мальчикъ! Я уколую васъ шипомъ! Ахъ! Ахъ! Больно! Вотъ вамъ, вотъ вамъ! Ахъ!..

Миша немного укололъ палецъ, но все таки сорвалъ розу и воткнулъ въ петельку.

— Отнесу мамѣ, она очень розы любитъ.

Каменная стѣна вся увита плющемъ. Отсюда онъ перекинулся на стволъ апельсиннаго дерева, крѣпко присосался къ нему, обвилъ всю нижнюю часть и ползетъ вверхъ.

— Плющъ—чужеядное растеніе; онъ деревья сушитъ, ихъ сокомъ питается,—думаетъ Миша.

— Чужеядное, чужеядное!—сейчасъ же огрызается плющъ.—Придумаютъ слово и тянутъ на всѣ голоса! А вы, люди, кто? Не чужеядные, что ли? Небось, почище нашего чужую жизнь заѣдаете! Вы, молодой человѣкъ, на чьи деньги здѣсь живете?

— На мамины!

— А у мамы откуда деньги? Развѣ она ихъ дѣлаетъ?

— Ей управляющій изъ деревни присылаетъ.

— А управляющій откуда беретъ?

— Я не знаю.

— То-то вотъ и есть! Вы вотъ спросите объ этомъ мамочку, она вамъ расскажетъ, на чьи труды вы живете, да по заграницамъ катаетесь. И тоже, туда же, осуждаетъ еще! Чужеядное!

— Какое неприятный этотъ плющъ,—думаетъ мальчикъ.—Развѣ я виноватъ, что докторъ велѣлъ ѣхать за границу. Если бы я былъ здоровъ, я бы сталъ работать, а управляющему велѣлъ бы отдать землю крестьянамъ даромъ. Я не виноватъ, что я такой слабый и больной.

Мишѣ грустно, ему хочется пойти наверхъ, къ мамѣ. Она всегда умѣетъ приласкать и утѣшить. Только нужно идти по лѣстницѣ, а это такъ тяжело. Сразу никогда не взойдешь, нужно много разъ отдыхать.

А между ступенями лѣстницы ворчитъ какая-то травка:

— И никто меня не видитъ, и никому меня не надо, да и мнѣ, говоря по совѣсти, плевать на всѣхъ васъ! Подумаешь тоже! Ната-скали земли, натыкали палочекъ, насадили цвѣтовъ—и услада для глазъ, и ароматы всякіе... Конечно! Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, наше дѣло подъ лѣстницей... А вы, господинъ, проходите, не застаивайтесь! Нечего вамъ съ глупой травой разговаривать! Тамъ васъ наверху всякіе жасмины да розы поджидаютъ—съ ними и воркуйте. По крайней мѣрѣ не будете здѣсь ногами мои листья топтать. Эхъ, вы, господа! Да, впрочемъ, мнѣ что-жъ. Мое дѣло сторона...

— Мама! Почему и травка и цвѣты сегодня злые?—спрашиваетъ блѣдненькій мальчикъ, прижавшись къ матери.

— Чѣмъ же злые, Миша?

— Да ужъ такъ, я знаю.

Мама молчитъ. Сегодня у мальчика опять жаръ. Боже мой! Онъ таетъ, какъ восковая свѣчка.

— Мама! Плющъ говоритъ, что мы чужеядные. Правда?

— Какой плющъ, дѣточка?

— Плющъ, тамъ внизу, на стѣнѣ.

— Не знаю, милый о чемъ ты говоришь. Ты бы прилежъ, мой мальчикъ! Хочешь лечь?

— Я хочу здѣсь, а голову къ тебѣ на колѣни...

Бѣжитъ за слезинкой слезинка... Гаснетъ жизнь въ маленькомъ тѣлѣ. Таетъ восковая свѣчка...

Мих. Осоргинъ.

Мой первый успѣхъ.

Вотъ что пишетъ, недавно умершій, знаменитый норвежскій композиторъ Эдвардъ Григъ о своихъ первыхъ успѣхахъ на поприщѣ музыки.

„Я не считаю своимъ первымъ успѣхомъ концертъ, въ которомъ на мою долю выпало наибольшее количество апплодисментовъ. Я хочу разсказать объ успѣхахъ болѣе ранняго періода моей жизни, о радостяхъ и огорченіяхъ моего дѣтства. Полузабытыя воспоминанія окружаютъ меня. Мечты юности, которыя не были приведены въ исполненіе, мысли, которыя казались мнѣ давно забытыми, приходятъ мнѣ на память. Всего яснѣе встаетъ предо мною то чудесное, таинственное очарованіе, которое овладѣло мной, когда я, впервые положивъ пальцы на клавиши, почувствовалъ не только мелодію, но и чудесное сочетаніе звуковъ, которые составляютъ гармонію. Сначала терція; затѣмъ аккордъ изъ трехъ нотъ; затѣмъ полный аккордъ изъ четырехъ; наконецъ, о радость! обѣими руками я взялъ аккордъ изъ пяти нотъ—понаккордъ. Когда я это услышалъ и понялъ, моему счастью не было границъ. Это былъ, дѣйствительно, настоящій успѣхъ! Впослѣдствіи никогда въ жизни никакой успѣхъ не волновалъ меня такъ, какъ этотъ успѣхъ! Мнѣ было тогда пять лѣтъ; годъ спустя мать начала учить меня музыкѣ. Я не предчувствовалъ тогда, какъ много разочарованій ждало меня. Скоро стало мнѣ ясно, что нужно играть и работать. Упражненія, гаммы очень не понравились мнѣ, а мать моя была строга, неумолимо строга, хотя она, навѣрное, радовалась, видя мои быстрые успѣхи, но мнѣ она этого не показывала, съ ней было не до шутокъ.

Когда я игралъ гаммы или какія-нибудь отвратительныя упражненія для пальцевъ, казавшіяся моему дѣтскому воображенію камнями вмѣсто хлѣба, она слѣдила за мной даже изъ другой комнаты. Однажды она грозно поправила меня даже изъ кухни, издали крича: „невѣрно, Эдвардъ, фа діезъ, а не фа, да ну-же фа діезъ, фа діезъ“. Я благоговѣлъ передъ ея знаніями и слухомъ. Если бы я больше ее слушался, было бы лучше, но моя природная склонность къ мечтамъ и къ фантазіямъ много вредила мнѣ и тогда, и въ мою послѣдующую жизнь. Я убѣжденъ, что если бы я не унаслѣдовалъ отъ моей ма-

тери, кромѣ ея музыкальныхъ способностей, ея неутомимую энергію, мнѣ бы никогда не удалось перейти отъ мечтаній къ дѣлу.

Одновременно съ моими занятіями музыкой, начались и школьные годы. Въ школѣ я былъ также лѣнивъ, какъ у рояли. Вообще нельзя сказать, что бы въ это время я былъ особенно милымъ ребенкомъ.

Сначала я ходилъ въ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Изъ того времени особенно живо вспоминается мнѣ одинъ урокъ ариѳметики. „Тотъ, кому первому удастся сдѣлать заданное умноженіе, получитъ награду“, сказалъ намъ учитель. Мое честолюбіе было возбуждено. О! думалъ я, нужно быть хитрымъ! И мнѣ пришла въ голову блестящая идея. Чтобы возможно скорѣе покончить съ задачей, я рѣшилъ пропустить всѣ цифры, такъ какъ онѣ казались мнѣ неимѣющими значенія. Конечно, мой успѣхъ оказался сомнительнымъ, я потерпѣлъ пораженіе. Но это послужило мнѣ урокомъ и съ тѣхъ поръ я знаю, что считать и дѣлать умноженіе можно только съ цифрами.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, мои родители поселились въ прекрасномъ имѣніи „Ландось“, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бергена. Каждое утро я долженъ былъ съ моимъ старшимъ братомъ ходить въ школу, несмотря на постоянные дожди, которыми славится Бергенъ. Благодаря хитрости, я съумѣлъ воспользоваться этими дождями. Въ школѣ было такое правило: если ученикъ немного опаздывалъ, то онъ не смѣлъ входить въ классъ до окончанія перваго урока. Однажды, въ дождливое утро, когда я не зналъ уроковъ, я не только нарочно опоздалъ въ школу, но даже стоялъ подъ крышей, съ которой текли ручьи, до тѣхъ поръ, пока промокъ до костей. Когда меня, наконецъ, впустили въ классъ, съ меня текли такіе потоки, что учитель, боясь, что я простужусь, отправилъ меня домой сушиться. Такимъ образомъ пропалъ цѣлый день, потому что домой идти было далеко.

На этотъ разъ моя хитрость удалась и я началъ повторять эту продѣлку до тѣхъ поръ, пока разъ не увлекся и не пришелъ насквозь промокшимъ, когда почти не было дождя. Этотъ случай вселилъ въ учителяхъ подозрѣніе ко мнѣ и въ концѣ концовъ мнѣ пришлось познакомиться съ палкой.

Неудача слѣдовала за неудачей, наказаніе за наказаніемъ. Я ненавиждѣлъ школу и съ каждымъ днемъ усвершенствовался въ разныхъ мелкихъ продѣлкахъ, чтобы избѣжать ее.

Я съ большимъ трудомъ запоминалъ географическія названія и историческія имена. Учитель говорилъ всегда, что моя специальность коверкать имена.

Разъ, когда я отвѣтилъ еще хуже обыкновеннаго, онъ написалъ въ моемъ дневникѣ: „Бѣдный Эдвардъ! Какъ мнѣ тебя жаль, какъ тебя утомить трудная дорога до Ландасъ, вѣдь тебѣ придется тащить тяжелый дождевой плащъ, массу книгъ и, наконецъ, большую 2, которую я тебѣ ставлю.

Въ школѣ и дома начали отчаиваться въ моемъ умѣ и способностяхъ, но судьба готовила мнѣ блестящее удовлетвореніе. Мы прочли въ хрестоматіи слово „реквіемъ“ и учитель спросилъ не знаетъ-ли ктонибудь изъ насъ, какой великій музыкантъ написалъ произведеніе съ этимъ названіемъ. Никто не могъ отвѣтить, только я робко назвалъ имя Моцарта. Весь классъ удивленно уставился на меня, какъ на рѣдкое, непонятное явленіе. Но я предчувствовалъ, что здѣсь кроется что то злое. Мое подозрѣніе оказалось основательнымъ. Они разозлились на меня за то, что я зналъ то, чего они не знали и послѣ того долго дразнили меня Моцакъ (такъ они разслышали имя Моцарта). „Вотъ идетъ Моцакъ“. Я чувствовалъ несправедливость этой насмѣшки и смотрѣлъ на себя, какъ на мученика. Еще немного и я-бы ненавидѣлъ моихъ товарищей, и во всякомъ случаѣ, я избѣгалъ встрѣчъ съ ними.

Изъ этого видно, что мои успѣхи въ школѣ не приносили мнѣ особеннаго счастья. Но бывали и исключенія, которыя, какъ солнечные лучи, озаряли мою жизнь. Напримѣръ, уроки пѣнія были всегда удачны.

Разъ насъ экзаменовали въ умѣннй пѣть гаммы. Ни одинъ изъ тридцати учениковъ не могъ справиться съ ними. Я же великолѣпно зналъ ихъ и учитель сказалъ: „Я не буду ставить отмѣтокъ, но Григъ лучше всѣхъ!“ Я былъ безконечно счастливъ.

Однажды, мнѣ было лѣтъ десять, двѣнадцать, — я принесъ въ школу нотную тетрадь, на которой я большими буквами написалъ: „Варіаціи на нѣмецкую мелодію для рояля“ Эдварда Грига, сочиненіе 1. Я хотѣлъ показать ее одному товарищу, съ которымъ былъ дружныѣ. Но что случилось! Въ серединѣ нѣмецкаго урока этотъ мальчикъ началъ бормотать непонятныя слова и учитель недовольно спросилъ: „Въ чемъ дѣло? Что тебѣ надо?“ Снова бормотанье, снова возгласъ учителя и, наконецъ, тихій шопотъ ученика: „Григъ при-

несъ...“ „Что такое? Что принесъ Григъ?“ „Григъ написалъ музыку“.

Учитель, который за мою лѣнь меня не особенно долюбивалъ, взявъ тетрадку и насмѣшливо сказалъ: „Вотъ какъ! Онъ музыкантъ, онъ сочиняетъ музыку; удивительно!“ Потомъ онъ открылъ дверь въ сосѣдній классъ, позвалъ оттуда учителя и сказалъ: „Вотъ посмотрите на это любопытное зрѣлище, этотъ маленькій негодяй—композиторъ!“ Оба учителя съ интересомъ начали перелистывать тетрадь. Ученики обоихъ классовъ повскакали съ своихъ мѣстъ. Это была великая минута: я чувствовалъ себя побѣдителемъ. Но съ гордостью никогда не слѣдуетъ спѣшить. Едва тотъ учитель ушелъ изъ нашего класса, какъ нашъ внезапно измѣнилъ свое обращеніе: схватилъ меня за волосы, такъ что у меня въ глазахъ потемнѣло и грубо сказалъ: „Другой разъ приноси то, что полагается; эту ерунду оставляй дома, а сюда подавай нѣмецкій словарь!“ Стоять такъ близко отъ вершины счастья и вдругъ быть свергнутымъ въ глубину! И всегда, когда меня постигали неудачи въ жизни, я вспоминалъ этотъ случай.

Противъ школы жилъ одинъ молодой лейтенантъ, который былъ страстнымъ любителемъ музыки и очень хорошимъ піанистомъ. Я началъ приносить ему мои произведенія. Онъ ими такъ интересовался, что заставлялъ меня списывать для себя копіи. Я страшно гордился этимъ успѣхомъ. Къ счастью мнѣ удалось потомъ все это получить обратно и бросить подъ столъ въ корзину, гдѣ было настоящее мѣсто этимъ произведеніямъ. Но я всегда буду съ благодарностью вспоминать объ этомъ лейтенантѣ, о поощреніи и вниманіи, съ которымъ онъ отнесся къ моимъ первымъ пробамъ. Я отлыхалъ у него отъ наказаній и выговоровъ, которые сыпались на меня въ школѣ.

Все-же мнѣ тогда въ голову не приходило, что я могу сдѣлаться музыкантомъ. Это казалось мнѣ слишкомъ возвышеннымъ, недостижимымъ.

Когда меня спрашивали, кѣмъ хочу быть я, я всегда безъ колебанія отвѣчалъ: „пасторомъ“. Мнѣ казалось чѣмъ то необычайно прекраснымъ проповѣдывать передъ внимательной толпой. Быть пророкомъ, глашатаемъ,—было то, о чемъ я мечталъ.

Чего только я не декламировалъ моимъ, достойнымъ сожалѣнія, родителямъ и сестрамъ! Я зналъ наизусть всѣ стихотворенія въ хре-

стоматіи, и когда мой отецъ садился послѣ обѣда отдохнуть, я и тогда не оставлялъ его въ покоѣ, а становился за стулъ, изображавшій кафедру и начиная, проповѣдывалъ безъ зазрѣнія совѣсти. Я все время слѣдилъ за нимъ, даже когда онъ дремалъ. Иногда онъ улыбался, тогда я былъ счастливъ, такъ какъ считалъ это за одобреніе. Я могъ его мучить безъ конца: „Ну еще маленькіе стишки“.— „Нѣтъ, довольно,“ говорилъ отецъ. „Ну, одни маленькіе“. Что за ребяческое честолюбіе!

Конецъ школьныхъ мытарствъ наступилъ раньше, чѣмъ я думалъ. Мнѣ было лѣтъ пятнадцать и я только что перешелъ въ старшіе классы. Въ одинъ прекрасный лѣтній день, какой-то всадникъ скакалъ по дорогѣ полнымъ галопомъ въ Ландосъ. Онъ остановился передъ домомъ и соскочилъ съ своего арабскаго коня. Это былъ онъ, мой добрый Богъ, мой ангелъ хранитель, о которомъ я всегда мечталъ, но котораго я никогда не видѣлъ. Это былъ Оле Буллъ, хотя мнѣ и казалось нѣсколько страннымъ, что этотъ Богъ пріѣхалъ и разговаривалъ, какъ обыкновенный человѣкъ. Онъ вошелъ въ комнату и съ любезной улыбкой поздоровался со всѣми нами. Я весь задрожалъ, когда онъ подаль мнѣ руку. Къ сожалѣнію онъ не привезъ съ собой своей скрипки, но за то много и интересно рассказывалъ. Съ замираніемъ сердца слышалъ я чудесные рассказы о его странствіяхъ по Америкѣ. Это было пищей для моей дѣтской фантазіи. Услышавъ, что я сочиняю музыку, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть за рояль.

Теперь я не понимаю, что Оле Буллъ нашелъ въ моихъ дѣтскихъ произведеніяхъ, но онъ остался совершенно серьезенъ и сталъ говорить обо мнѣ съ моими родителями.

Содержаніе бесѣды оказалось пріятнымъ для меня, такъ какъ Оле Буллъ внезапно подошелъ ко мнѣ, похлопалъ меня по плечу и сказалъ: „тебѣ нужно ѣхать въ Лейпцигъ и сдѣлаться музыкантомъ!“ Всѣ ласково глядѣли на меня и у меня было чувство, какъ будто добрая фея гладитъ меня по щекѣ.

Милые мои родители! Ни одной минуты они не противились и не колебались.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посѣщенія Оле Булля, меня отправили въ Лейпцигскую Консерваторію. Я былъ счастливъ: успѣхъ, успѣхъ, побѣда! звенѣло у меня въ ушахъ.

Такъ Эдвардъ Григъ заканчиваетъ воспоминанія первыхъ шаговъ своего дѣтства.

Э. Григъ.

Ну-ка разгадайте!

Ариѳметическая задача.

Мать дала двумъ мальчикамъ 40 орѣховъ съ условіемъ, что они достанутся тому изъ нихъ, кто первый выиграетъ три партіи въ шашки. Когда старшій выигралъ уже двѣ партіи, а младшій одну, игра ихъ была прервана приходомъ гостей, и мальчики порѣшили сейчасъ же подѣлить орѣхи между собой. Сколько же, по справедливости, долженъ получить каждый?

Загадки.

1. По ночамъ переплываетъ рѣку не замочившись?
2. Никто, кромѣ меня не скажетъ вамъ, кто я?
3. Почему волосы на головѣ сѣдѣютъ раньше бороды?
4. Однимъ глазомъ или двумя мы видимъ больше?

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложений.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Малая Лубянка, 18. Тел. 15-03.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

— Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. —

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Іохимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

„ ОДЕССѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.

„ КІЕВѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.

„ РОСТОВѢ н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.

„ НАЛУГѢ, въ фотографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе назенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначенеевъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяцъ бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Перепелкинъ.